

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ

В ПЕРЕВОДАХ *Игоря Белова*

Богдан Задура

Воскресные обеды

мой взрослый ребенок
не любит воскресных обедов
(что-то мне это напоминает)

каждую неделю за одним и тем же столом
говорят об одном и том же
о том что полезно
о плюсах овощей
приготовленных на пару
о чудесных качествах фасоли и помидоров
превосходстве брокколи над цветной капустой
мороженой моркови Hortex
над морковью Bonduelle

надеюсь что однажды
мой взрослый ребенок вырастет
еще больше и заметит что
так оно и бывает с людьми

когда они идут за грибами
говорят о грибах

когда они трахаются
говорят о сексе

когда они лежат в клинике
смотрят «Санта-Барбару»

когда они идут за гробом
говорят о смерти

так отчего же обедая
не поболтать о еде

***

капля из крана
падает в рану
волосы ангелов
и стекловата

чьи-то колени
там где сад притих
свою голову месяц
опустил на них

чужие колени
а может свои
никогда не узнаешь
усни усни

Поэт говорит с народом

Пока нет лучших книг — меня читает двор.
А. Мицкевич

Уже неделю он не разговаривает со своим сыном
(было бы у него больше детей
то уж если не с этим
наверняка разговаривал бы с другим)

Уже месяц он не разговаривает с тещей
(хорошо что у него их не две
поскольку не разговаривает он
лишь с одной)

Уже шесть месяцев он не разговаривает со своим издателем
(издатель обанкротился и занялся
разведением павлинов и попугаев)
Могло быть и хуже

ведь дочки фрейлины все же в порядке
на молодежь вообще нет повода жаловаться
ксероксы работают директрисы домов культуры
улыбаются и шлют поцелуи

У него много времени
так что мог бы уже поговорить с народом
вот только народ должен
избрать какую-то делегацию

Или дирекция телевидения
должна этим заинтересоваться

Или нужно было бы взять каких-нибудь заложников
и требовать эфирное время
в качестве выкупа (время — деньги)

Но ведь кто-то же должен
отдать народу последние почести

Хоть он и не умеет играть на трубе
нет у него ни винтовки ни даже барабана
это его профессиональная обязанность

В конце концов это его старшие коллеги по перу
однажды сотворили
этот народ (и его, не считая биологических родителей)

Так кто как не он должен отдать ему
последний долг

(А ведь раньше казалось
что всегда будет наоборот)

***

эфирные тела
пещеристые тела
небесные тела

околоплодные воды
арктические воды
термальные воды

огни преисподней
огни святого Эльма
бенгальские огни

мышиный помет
коровье дерьмо
людские стихи

Именно то

Говорить кому-то то, что на самом деле хочется сказать
и одновременно то, что этот кто-то хочет услышать
это как выигрыш в лотерею. Бывало такое с нами?
Только где эта удача, номер которой мы обнаружили
среди счастливых внизу колонки как июньскую
землянику на поляне, фиолетовой из-за отцветшего
вереска, почти на опушке леса, куда она подевалась?
Спрашивать об этом значит знать какая она на вкус
это страх перед тем, что на самом деле случилось.

Будапешт

помню
как ехал двойкой
от моста Свободы
к мосту Маргариты
сорокалетним

смотрел на людей
сидящих за белыми
столиками на белых
креслах
и думал
что там
настоящая жизнь

помню
как сидел
за белым столиком
на белом кресле
пил эспрессо
и ел мороженое
сорокалетний

смотрел на людей
едущих в трамвае
от моста Свободы
до моста Маргариты
и думал
что в том трамвае
настоящая жизнь

Об авторе

Задура Богдан (род. в 1945 году) — польский поэт, прозаик, эссеист, переводчик с русского, украинского, английского и венгерского языков. Закончил философский факультет Варшавского университета. Дебютировал как поэт в 1962 году. В 1970-х годах работал директором музея в Казимеже Дольнем, заведовал литературной частью театра в Люблине. Был близок к журналам «Акцент», «Literatura na Świecie», с 2004 года — главный редактор журнала «Twórczość». С именем Задуры связывают многие процессы в современной польской поэзии после 1989 года, для значительного числа молодых поэтов этого времени он стал отправной точкой новой эстетики. Путь Задур-поэта связан с переходом от ранних исканий в классической форме стиха до поэзии, связанной с обновлением формы и поэтического мышления. Трехтомное собрание стихотворений, двухтомники прозы и эссе Задуры изданы в 2005—2007 годах вроцлавским издательством «Biuro Literackie». «Живой классик и в то же время — самый молодой поэт Польши» — таков статус Богдана Задур в польской литературе.

Дарек Фокс

Сараево в огне

Подсел ты на эту войну, что ли?

А мне казалось, что моя любовь
к надписям на корешках книг
никогда не угаснет. Франц

Кафка догорает в углу,
на полу. Ты все подмечаешь,
ты немного начитан и весьма плутоват,

и вообще производишь впечатление. Франц
Кафка сам об этом просил. Но
зачем ты выстрелил в Джойса?

Джеймса Джойса. Тебе это в кайф.
Еще пара таких выстрелов,
и я начну угадывать, кто будет

следующим. Передо мной одна
из величайших революций
в прозе XX века; за моей спиной

не слишком толстая стена; надо мной,
очевидно, узкий карниз;
да и сам я не из породы

толстокожих. Я надеюсь,
что около тебя не крутится
некий проныра с базукой,

которого можно поймать за руку
и спровоцировать
словами: «Видишь вон то окно?

Я ему показал, у кого он списывал,
а теперь ты ему покажи,
как кончается литература».

Привлекательные условия труда

Великий Инструктор, не сказал ли ты
ей, случайно, что нужно сделать,

чтобы растормозить поэта 90-х годов?
Она не ошиблась с формулировкой:

«Если у тебя вон тут что-нибудь есть, ты знаешь,
что написать». Палец уперся мне в сердце

и в башку. Обрати внимание на очередность,
Великий Инструктор. Ты меня втравил:

я плетусь, словно грузовик, набитый свиньями;
руки немеют, когда я слышу их визг;

если так пойдет дальше, я собьюсь с пути
и стану мясником. Великий Инструктор,

перестань впустую трепать языком,
попробуй собраться с мыслями, и просвети тех,

кто вырубает деревья, а то они доели свой завтрак
и теперь ломают голову, что им выпить.

Из шестнадцатистраничной тетрадки в свастику

Вроцлавской фабрике бумажных изделий

Где Луна?
Что случилось
с Солнцем? Почему собака
больше не друг человека?

Почему это несчастное создание
носит на шее табличку
с надписью: ТЫ МОЖЕШЬ ГЛАДИТЬ МЕНЯ
ТОЛЬКО В ПРИСУТСТВИИ МОЕГО
ВЕТЕРИНАРА? Почему надпись
сделана готическим шрифтом?

Что заставляет маленькие тучки
принимать очертания
больших животных,
которые давно вымерли?

И кто мне скажет,
черт возьми,
откуда я все это знаю,
если вокруг темнота?

Прикольная неделя

День, когда падет минарет
утреннего влечения,
а самый проворный малый в городе
загонит коллекционерам
камни из его стен.

День, когда мы зайдем в магазин,
возьмем заложников
и скажем ментам,
что только Клинт Иствуд
может им помочь.

День, когда чукчи
придут к власти, холодный ветер
не выпустит нас на улицы,
а старожилы не вспомнят
такой ранней зимы.

День, когда «Финский нож»
Анджея Бурсы
потеснят в рейтинге
«Израильские узи»
безымянного автора.

День, когда ты перестанешь
твердить, что авангард буксует,
и будешь с теми, кто считает,
что он рулит (ведь он рулит,
рулит и рулит).

День, когда Чапаев выплывет,
а горы, деревья, небо,
птицы, парочка старых корешей
и одна эта как ее
скажут: «Чапаев выплыл».

День, когда Эзра Паунд
не выдержит, сойдет с фотографии,
на которую его поместил
Анри Картье-Брессон,
и даст мне по рукам.

Об авторе

Фокс Дарек (род. в 1966 году) — польский поэт и прозаик, лауреат многих польских литературных премий. В период дебюта в конце 1980-х годов был связан с кругами, близкими к неподцензурному журналу «бруЛион» («черНовик»). Автор поэтических сборников «Стихи о парикмахерах» (1994), «Эзра Паб» (1998), «Дорожный сонет» (2000), «Сто лучших польских реклам и одна немецкая» (2009) и других, а также книг прозы «Свадебная пицца» (2000), «Что делает связная» (совместно с художником Збигневом Либерой) (2006), «Пасхальная ночь с тигром» (2008) и др. Редактор отдела прозы в журнале «Twórczość».

Геновефа Якубовска-Фиалковска

***

будет долгий август

созреют груши

осыплется

рожь

будешь

держатъ нож

будешь

резать свою тень

***

распеленай его

растения

путают ему руки

ноги

язык

розовый вьюнок

успокой его

***

ты с ума сошла

хочешь

съесть торт

надеть

белое платье

принять причастие

ты с ума сошла

словно собака
лижешь

край неба

***

кожи касается

нежный
нож

мужчина
не говорит

о любви

режешь себя

от гортани
до бедер

***

с тобой
я могла бы пить

крепкий портвейн
в Лиссабоне

пережила бы
фатимские откровения

Великий Инквизитор

тело в огне

***

дочки провожают
матерей

с майских богослужений

глотаю у них над головами

солнечные
закаты

***

он убил
практически бесшумно
ночью

утром
дети надевают ей обувь

долго спит

дети
снимают обувь

***

дочь
Иосифа и Марии

рабочее происхождение

замужем
двое детей

галлюцинации
довели до больницы

брата
распяли

***

живешь
так долго

пожертвовал
всем чем надо

утихла вьюга
в крови

рассыпаются
кости

даже
не заснуть

***

идешь
за гробом

черная вдова

в траурной процессии
нервно курит

номер второй

***

спал
с тобой

и с ней

словно сука
ты чуяла в постели
запах чужого пота

было
и прошло

спишь одна

***

в конце лета

в домашних халатах
сидя в креслах

женщины на пособии

покуривают

курение убивает

тропическая
влажность сериалов

волосы
в подмышках
сверкают

как теплый
океан

***

плутаешь
ясным днем

без причины

это даже
не лес

пара деревьев

первое дерево
последнее дерево

Об авторе

Якубовска-Фиалковска Геновефа (род. в 1946 году) – польская поэтесса и прозаик. Дебютировала в 1972 году в журнале «Odra». В 1970–1980-х годах печатала стихотворения и рассказы в журналах и альманахах «Tygodnik Kulturalny», «Życie Literackie», «Faku», «Regiony», в 1994–2010 годах – в изданиях «Akcent», «Fraza», «Magazyn Kulturalny», «Arkusz», «Opcje», «Arkadii», «Topos», «Śląsk», «Twórczość», «Kwartalnik Artystyczny», «Zeszyty Literackie», «Red», «Wyspa» и других, а также в Интернете. На основе ее стихотворений на «Радио Катовице» было создано пять поэтических программ. Стихи переведены на чешский, словенский, сербский, немецкий, английский, русский языки. Стипендиат Министерства культуры (2006).

Збигнев Янковский

И весь умру

Мои стихи — дрожащие огоньки
в тщетном поиске
живых ладоней.
Они будут,
словно надгробные лампадки,
трепетать от Твоего
созидающего дыхания,
догорая
до Твоего дна.

В конце концов Твоя милость,
словно осенняя морось,
прижмет их к земле.

С вороной

Все чаще
каждый мой шаг
(на улице, на берегу залива, на досках мола)
делается в космической пустоте:
как будто он
вездесущ и всеобъемлющ,
завершен и бесконечен,
тождествен сам себе.

Вчера
выброшенная на берег
мокрая ворона,
пошатываясь, подошла к моим ногам.
Закрыла глаза, а я,
словно стоя среди космических глубин,
положил на нее сперва одну, потом другую
теплую руку

и мы перенеслись далеко отсюда.

Еще во сне
долго и доверчиво
она пульсировала моей вселенной.

Тот, кто нас примирил

...который Иисусом Христом примирил
нас с собою и дал нам служение примирения.
2 Кор 5:18

Он говорит:
Преступник, предатель, изгой,
выслеживаемый, преследуемый
объявлением о розыске, пулей, совестью,
оплеванный, затравленный
верными и правыми —
мой измученный сын...

не бойся, я не
Бог справедливости, медлительный
палач, караульный
подсчитанных шагов.

Я — это твой
светлый день.
Прыгай, своей головой
ты зажжешь созвездия
моего милосердия.

Узник совести

Кажется, я усыпил тебя слишком рано,
ты мог бы еще жить
день или даже два,

но у тебя был такой жесткий
прямой взгляд,
такие глаза гнило-зеленой смерти,
что я начал бояться тебя.

Кажется, я усыпил тебя слишком рано,
но ты смотрел так обреченно,
словно я уже держал в пальцах
убийственный шприц.

Тогда это случилось. Встала во мне дыбом
звериная шерсть.
В чьи-то холодные руки
я сунул
вспотевший поводок.

Блуждающая дюна

Итак, вот до чего
я должен был дойти,
до этой сухой и вязкой
дюны усталости,
от песка которой, словно от забвения,
очистишь
мои белые кости.

Это с ними,
без меня,
хочешь говорить
солнечно и ясно?

И раздался голос

И только
когда ты будешь тонуть,
и ни за какую доску не получится уцепиться,
когда расслабишь руки и ноги,
весь принадлежащий этому миру —

приблизится к тебе
и все тебе объяснит
мое светящееся дно.

Об авторе

Янковский Збигнев (род. в 1931 году) — польский поэт. Окончил факультет польской филологии Катовицкого университета. Организатор и первый председатель литературного клуба «Контакты» в Рыбнике, соорганизатор ежегодных рыбницких Дней литературы. В 1965—1971 годах жил в Колобжеге, был создателем поэтично-художественной группы «Рейд», программно связанной с морем и широко трактующей морскую тематику. Ходил в рыбацкие рейсы на Балтике, а также в Атлантику и Тихий океан. В 1971—1975 годах был организатором и председателем Нижнесилезского отдела общества польских маринистов (Вроцлав). С 1975 года живет в Сопоте.

Мартин Светлицкий

М. – в дороге

Это место – нейтральная территория.
Эта кровать ни моя, ни твоя.
Нечего вспомнить об этом месте
ни тебе, ни мне. Невозможно
обозначить здесь наше присутствие.
Следы на простынях будут отстираны,
мусор – выброшен.

Это место – нейтральная территория.
Сложный рельеф, так что никакие военные действия
нам здесь не светят. Отбой
на сегодня и на завтра. Временное
прекращение огня. Что дальше? Дальше остается
заниматься любовью, иначе не продержаться нам
ни эту ночь, ни следующую.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
и вроде бы легко привыкаешь
к случайной мебели, к случайным телам.
Однако я выбрал именно твое тело,
и это все, что можно отыскать, пройдя сквозь него
(я сейчас говорю за себя, я не имею права знать,
что ты в эту минуту...) – пройдя с силой, но без отчаянья.

У нас ментальность гостиничных постояльцев,
но у нас есть при себе и персональные
мелочи: зажигалки, пачки сигарет,
ключи и карточки с номерами каких-то
нездешних телефонов, билеты, деньги,
у тебя свои женские предметы первой необходимости,
у меня – крошки табака в карманах. И хотя

часто мы похожи друг на друга,
все-таки мы очень разные, разные в смысле пола,
смерти и мелочей. Съезжаем завтра.
Забываю забыть.

Запутывая следы, в апреле

Брожу, запутывая следы. Оставляю их повсюду.
В кармане опять совершенно ненужный ключ.
Не хочу и не могу жить на вокзале,
на улице, под мостом, в машине, в отеле.
Не хочу туда. Слишком далеко зашел.

Никто не преследует, никто не идет за мной.
Это я отбрасываю эту тень. Брожу,
запутывая следы, между местом, где меня уже
нет, и местом, где меня еще нет,
— и до конца неизвестно, окажусь ли я там вообще.
Запутываю следы.

Моя куртка осталась в доме, которого нет.
Сегодня я спал в том доме, которого еще нет.
Ты дала мне утром — перед тем как я вышел в дождь —
ключи от того дома, и это еще смешнее.
Короче, как ты себя чувствуешь? В порядке. Благодарю.

Еле передвигаю ноги. Сам виноват.
Бреду через дождь с двумя комплектами
ненужных ключей. Так грустно, что даже
не до стихов. Брожу, шатаюсь,
скитаюсь, запутывая следы. Один. Никому не нужный.

В никуда, с ключами, сквозь дождь, в мокром свитере,
очертания утеряны, сломан язык.

McDonald's

Нахожу след твоих зубов в чужом городе.
Нахожу след твоих зубов на своем плече.
Нахожу след твоих зубов в зеркале.
Порой чувствую себя гамбургером.

Порой чувствую себя гамбургером.
Торчит из меня салат и течет горчица.
Порой я до смерти похож
на все остальные гамбургеры.

Первый слой: кожа.
Второй слой: кровь.
Третий слой: кости.
Четвертый слой: душа.

А след
твоих зубов
глубже всего,
глубже всего.

М. – убийство

А она лежит с ножом в спине.
Частично на паркете, частично на ковре.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Убийца спокойно идет коридором.
Открывает дверь и выходит в сад.
Проходит по клумбам. Выходит из калитки
на улицу. Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
Заходит домой. Поворачивает ключ в замке.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Частично на ковре, частично на паркете.
Слегка скорчившись. Такие дела.
Крики. Свидетели, словно рыбы,
которых только что научили говорить.
А она лежит с ножом в спине.

А она лежит с ножом в спине.
Потом встает, отряхивается.
Надевает камуфляж, вешает на плечо карабин.
Выходит на улицу, выкатывает гаубицу.
Садится в трамвай.
Едет в трамвае, едет, читая газету, доезжает до кольца.
И стучит ему в дверь.

Утренняя паства

Пол, плащ вместо кровати, свитер вместо одеяла.
С гордостью ношу шерсть домашних животных
на своей одежде, теряю человеческий облик
изящно и деликатно, получаю откровения во сне.

Здесь моя паства, мой континент.
Первый луч солнца назло старой, черной, окостеневшей земле.
Здесь у меня, мужика, нет больше повода
прятаться от лучей утреннего солнца,

от жилых домов, от женщин, от того,
куда нужно успеть добежать до вечера.

Так говорил алкоголь

Ночью я разошелся в разные стороны,
чтобы проснуться в разных кроватях
чтобы не помнить, что умер. С недавних пор
я ношу при себе запасную пару
носков и сменную футболку, зубную
щетку, все для того, чтобы не помнить,
что умер, чтобы везде быть, как дома.

Она вдруг обняла меня сквозь сон,
дважды произнесла чужое имя,
так нежно, что я не решился
взять себе это имя, принять эту нежность.
Но умер и вышел оттуда
и дальше иду сквозь пустоту, полную ветра.
Но умер — и когда нахожу

себе место поспать — то крепко вжимаюсь в подушку,
кричу подушке свое мертвое имя,
кричу подушке свое мертвое имя.

Музыка сердцевины

Какой душевный покой, мои дорогие, нужен,
чтобы написать о страданиях животных
или детей? Какой покой, мои дорогие, нужен,
чтобы воспеть с помощью простого, понятного
на любом языке, парадокса то,

о чем написали все газеты
на первых полосах? Из какого нужно быть
материала? Наверное,
не из крови, желчи и кости?

Нет
покоя, только
кулак в горле. Только
холодный пот.

Зонтики

Я что-то говорю.
Что-то говорю.
Что-то говорю, но хотел бы,
чтобы все само разговаривало,
само происходило,
само начиналось,
само заканчивалось.

Я что-то говорю, а в голове
у меня старые номера
телефонов,
неактуальные адреса,
полным-полно
грязных
ругательств.

Ладно,
иди без зонтика,
мокни.

Все остальное
никуда не денется,
как номер телефона
на спичечном коробке...

Покрась это в какой-нибудь цвет

Первомайскую демонстрацию я начинаю сразу
за дверью — маршрут неясен,
я сбиваюсь с пути среди неконкретно зеленых
зарослей рядом с Вислой, что течет прямо в море.

В конце концов наверняка попаду на улицу
Коммандос — а пока что пытливо и дотошно
разглядываю Вислу, замечая ее морщины
и наполненные водой следы ботинок
на самом дне.

Мои дневнички

Я забываю забыть. Я забыл о том,
что когда-то уже так закончил. Начинаю по новой
— и забываю забыть. Незабываемые неприятности
оживают, как в фильме, что лежит в видеопрокате

на полке «Триллеры». Встают останки
былых проблем, вот они что-то требуют,
опять, опять нужно вбить им осиновый кол,
а затем забыть, забыть.

Именно так все закончилось? Именно так я с этим покончил
— говорю и не помню, что уже так говорил
в другом месте, в другое время. Я помню только

расцветку обоев,
мои дневнички,
расцветку обоев.

Ложись!

Ничего уже больше не будет зависеть от человека.
Отдадим свои тела в руки ветра.
Отдадим свои голоса завыванию бури.
Отдадим моря океану. Ложись!

Падай в песок и лежи там.
Сколько же там надежд!
Падай в снег, ешь его,
пока не наешься.

Придет зверь и посмотрит тебе в глаза.
Придет костлявая.
Мы были первыми, станем последними.
Мы будем первыми. Времени нет. Ложись!

Вступление к ночи

По земле бродят тени
— серые, они светлее, чем земля,
которая безвозвратно темнеет,
угли костра,
минута, когда мужчины
встают, чтобы его погасить,
женщины отворачиваются,
угли шипят,
что-то движется по земле, днем и ночью,
это последний очаг сопротивления,
который остыл,
удерживая свет.

Утром

Вчера ночью небо должны были осветить
обломки хвоста погибшей кометы.
Но в таком тумане ничего не было видно,
кроме тусклых огней супермаркета.
В последнее время
все кажется каким-то нечетким.
Придет конец света,
повздыхает и уйдет.

Первый снег

За стеной сад но эхо такое
словно там еще одна комната
мышь почуяли неладное и вывели
свои отряды из этого дома

Белый пес толстый белый ангел
вчера принес весть о тебе я прогнал его
смел осколки разбитого зеркала
умылся растопил печь

Они входят выходят разглядывают все вокруг
я улыбаюсь хотя мог бы убить
когда ты заглянула в окно и подала мне знак бровями
я назло решил не выходить

Я все еще предпочитаю думать что здесь тепло
твои сани в метели не видать мне королевства
я крепко держусь за стол не видать мне королевства
я крепко держусь за стол и зрачки у меня белые

Об авторе

Светлицкий Мартин (род. в 1961 году) — польский поэт, прозаик, вокалист рок-группы «Świetliki» («Светлячки»). Учился на филологическом факультете Ягеллонского университета (Краков), откуда был отчислен за отказ от занятий военной подготовкой. Дебютировал в печати в 1992 году. Автор книг стихов «Холодные страны», «Берлин», «Третья половина», «Песни профана», «49 стихотворений о водке и сигаретах», «Музыка сердцевины», «Сломавшийся», «Избранные стихотворения», «Неочевидное», «Низменные позывы», книг прозы «Двенадцать», «Тринадцать», «Одиннадцать» и др. С группой «Świetliki» выпустил пять альбомов. Лауреат многих литературных премий. Переводы стихотворений Светлицкого на русский язык публиковались в журналах «Иностранная литература» и «Воздух». Живет в Кракове.

ПЕРСОНА

В 2011 году профессор Фарыно отметил юбилей. Уверена, что в его списке работ появились новые, а число почитателей выросло. Пусть и эта скромная работа будет нашим поздравлением. По-настоящему показать в ней все стороны творчества ученого, конечно, не удалось, но напомнить, что в Польше живет человек, который трудится над словесностью, вызывая восхищение, и желание сделать что-нибудь с ним «в одной упряжке», надеюсь, получилось. Будем считать, что моя задача выполнена, если кто-нибудь откроет для себя автора Ежи Фарыно и его словесность с ее археопэстикой, дешифровкой и неугасающим интересом к литературе, в том числе и русской.

Т. Шмелева